

Играет Эмиль Гилельс

Консольская правда

Москва

13 1 ЯНВ 1957

Тридцать лет прошло с того дня, когда шестнадцатилетний Эмиль Гилельс потряс своим удивительным для подростка пианистическим искусством слушателей и членов жюри первого Всесоюзного конкурса музыкантов-исполнителей. Я уверен — тот, кому посчастливилось тогда быть среди любителей музыки, заполнивших зал Московской консерватории, на всю жизнь сохранил воспоминание об этом дне как одно из ярчайших впечатлений музыкальной жизни тех лет. Жюри было освобождено от необходимости обсуждать вопрос, кому присудить первую премию: после выступления Эмиля Гилельса «вопрос» этот перестал быть вопросом...

Но дело, конечно, не только в первой премии — в тот день Эмиль Гилельс занял свое место в первом ряду лучших мастеров советского музыкального исполнительства.

Это было в 1932 году. Каждый последующий год убедительно подтверждал неоспоримое право молодого пианиста на это почетное место. Как нечто естественное, само собой разумеющееся были восприняты его блистательные победы на международных конкурсах в Брюсселе и Вене. И через несколько лет имя Гилельса называлось уже среди имен лучших пианистов мира.

Тридцать лет, прошедших после первого московского триумфа, были годами блестящих успехов, годами непрерывно растущей славы. Но это были также годы огромного, напряженнейшего творческого труда. Росло мастерство Гилельса, хотя давно уже казалось, что достигнутое, им не может быть превзойдено. Расширился репертуар, охватывающий постепенно все богатство мировой музыки от истоков пианизма XVIII века до наших дней. И одновременно с этим росло важнейшее для исполнителя, но нечасто встречающееся качество — стремление выникать в авторский замысел и стиль исполняемого сочинения, не навязывая ему самого себя, но всегда оставаясь при этом самим собой.

Настоящий пропагандист, художник-просветитель, Гилельс выступает перед аудиторией с серьезнейшими циклами, имеющими громадное познавательное, а не только художественное значение. Не так давно он подряд сыграл все фортепьянные концерты с оркестром Бетховена — факт беспрецедентный в нашей концертной жизни. Сейчас он выступает с концертами другого большого цикла — «История фортепьянной сонаты» от Скарлатти и Гайдана до Прокофьева и Шостаковича. Эти циклы по своему значению можно поставить в один ряд со знаменитыми историческими концертами Антона Рубинштейна, позже — с симфоническими концертами Сергея Василенко, а в наши дни — лишь с циклом скрипичных концертов, сыгранным Давидом Ойстрахом.

Отличный исполнитель современной музыки, Эмиль Гилельс пользуется большой любовью и уважением советских композиторов. Именно ему доверил в свое время Сергей Прокофьев первое исполнение одного из лучших своих сочинений — восьмой сонаты. Сегодня для первого исполнения отдает ему свою только что законченную сонату Арам Хачатурян. Впервые звучат в концертах Гилельса две сонаты М. Вайнберга: Он был первым советским пианистом, познакомившим слушателей ряда зарубежных стран, в том числе США, с квинтетом, трио, прелюдиями и фугами Дмитрия Шостаковича, Героической балладой для фортепьяно с оркестром Арно Бабаджаняна.

Не могу здесь не сказать и о том, что к числу наиболее счастливых моментов сво-

ей собственной музыкальной жизни я должен отнести великолепное исполнение Гилельсом моей Второй сонаты. С чувством благодарности за его талант и мастерство, за постоянную готовность помочь еще в процессе сочинения своим чутким и умным советом посвятил я ему эту сонату. А сейчас я с нетерпением жду первого исполнения Гилельсом четырехручной Фантазии Шуберта, свободную обработку которой для фортепьяно с оркестром я недавно завершил. Мне думается, что поэтическое очарование и здоровый жизненный пульс этого гениального произведения как нельзя больше отвечают творческой индивидуальности Гилельса.

В чем же заключается особенность гилельсовского таланта, сила его искусства, покоряющего миллионы самых различных слушателей в разных концах мира, приводящего в трепет сердца русских и французов, чехов и американцев, японцев и румын, австралийцев и испанцев? С моей точки зрения, эта особенность и сила, делающие Гилельса музыкантом необычайно современным, воплощающим лучшие, передовые черты социалистической художественной культуры, заключаются прежде всего в полнейшем духовном и физическом здоровье его искусства, в его жизнерадостности и оптимизме, не исключающих ни единого нюанса многообразной гаммы человеческих чувств и переживаний — от могучего героизма до самой хрупкой нежности.

Искусство Гилельса кажется мне очень родственным искусству Сергея Прокофьева. У него, как и у Прокофьева, всегда господствует стремление к солнцу, к свету, к человеческому счастью, к красоте в самом возвышенном, самом прекрасном смысле этого слова. Именно поэтому искусство Гилельса, как и искусство Прокофьева, при всей его глубине и содержательности, всегда празднично, даже когда раскрывает перед нами образы драматические и трагедийные.

Я знаю Эмиля Гилельса много лет и всегда восхищаюсь не только его талантом и мастерством, но и замечательными человеческими качествами, нравственным его обликом. Скромный, простой, даже застенчивый и, я бы сказал, «тихий», он в то же время может служить образцом могучей воли и стойкости характера.

Мне приходилось наблюдать его подчас в сцене сложных обстоятельствах. Я был свидетелем того, как после чрезвычайного тяжелого трехдневного перелета (с вынужденными ночевками в пути) из Москвы в Лондон Гилельс прямо с аэродрома был доставлен на машине в концертный зал «Фестиваль холл», где уже более часа несколько тысяч лондонцев ожидали начала концерта прославленного, но незнакомого еще им пианиста. Гилельс был первым советским пианистом в Англии. Он понимал всю ответственность своего выступления. Но отменить концерт было невозможно — он уже был перенесен два раза. Все, что Гилельс произнес перед началом концерта, была скромная просьба: «Чашку крепкого черного кофе». Узнав, что Гилельс приехал, публика неистовствовала, заранее награждая его оглушительной овацией. Я никогда не забуду лица Гилельса, когда он выходил на эстраду: оно было совершенно спокойным, но мне показалось, что именно в этом спокойствии сконцентрированы были все мужество, вся воля, все мастерство и весь опыт, все понимание того, что не только себя, а всю советскую музыку представляет он сейчас в чужой стране. Он знал, что должен победить... Смолкли громовые

приветственные аплодисменты. Несколько секунд напряженнейшей тишины — и прозвучала первая, полная страсти и гнева фраза из бетховенской «Аппассионаты»... В этот вечер победил не только Гилельс. С ним победила вся наша музыкальная культура.

Помню я также, как Эмиль Гилельс вскоре после окончания войны выступал в Будапеште. За два дня до концерта он поехал в Вену и там тяжело заболел. Два дня мучительных болей и ни глотка пищи. Но концерт, на который давно были проданы все билеты, срываться нельзя — это тоже было первое выступление советского пианиста в Венгрии. Быстрый «Виллис» домчал Гилельса по автостраде, соединяющей пять европейских столиц, в Будапешт. Времени хватило лишь на то, чтобы прорепетировать программу и, заехав в гостиницу, надеть фрак. А в программе — три концерта с оркестром: Баха, Бетховена и Чайковского! Я сидел в зале, и мне казалось, что передо мной происходит чудо. Ну как, в самом деле, поверить, что этот человек, заставляющий сейчас своим буйным и солнечным искусством трепетать, радоваться и оглашать зал восторженными криками многотысячную аудиторию, еще утром лежал почти без движения в постели и едва мог разговаривать. Но это было не чудо. Это была победа воли и мужества, таланта и мастерства настоящего художника.

Да, за Эмиля Гилельса, кажется, всегда можно быть спокойным. Как бы ни было трудно, он всегда, в любых обстоятельствах достойно представит советскую музыку. И не случайно, конечно, что именно ему впервые была доверена высокая честь и огромная ответственность после многолетнего перерыва представить советское искусство перед народом Соединенных Штатов Америки. Это была одна из самых сложных и в то же время одна из самых успешных его зарубежных концертных поездок.

Эмиль Гилельс выступает с концертами не только во всех крупных городах Советского Союза. Изъездив всю страну от севера до юга, от западных границ до Приморья, он радовал своим искусством великое множество советских людей, живущих в маленьких городах и поселках. Я смело назову Эмиля Гилельса одним из самых любимых, самых популярных музыкантов в широчайших кругах советского народа.

Слава и гордость советской музыкальной культуры, выдающийся пианист с мировым именем, замечательный воспитатель молодежи и энергичный общественный деятель — таков Эмиль Гилельс, настоящий художник-коммунист, достойнейший кандидат на соискание Ленинской премии.

Дмитрий КАБАЛЕВСКИЙ.